

До мамы еще расти и расти

рались мы до медсестры, обрабатывали раны. Надо было бы и укол сделать, но машины до города доехать, естественно, тоже нет. Хорошо хоть бабушка успокоилась: «Да ладно, — говорит, — даст бог, все обойдется».

— Это уже называется «жить по-русски». А чем же вы перед группой провинились?

— Они из-за меня на ужин опоздали, я ведь долго бегала. Ой, какими меня словами мужики крыли!..

— Что с девочкой стало, не знаете?

— Когда через несколько лет мы приехали в ту же деревню снимать продолжение, ко мне подошла взрослая девушка и говорит: «Спасибо». Напомнила тот случай, я даже расстрогалась. Спина зажила, конечно, но шрамы остались.

— А какво было в откровенных сценах, в бане, сниматься?

— Сегодня голым телом никого уже не удивишь. Но тогда я переживала. Как-то очень живо себе представила, что мои близкие будут эту сцену связывать сначала со мной, а уже потом с героиней. Но Евгений Семенович хитрый. В сценарии было написано примерно так: «В раме окна виден силуэт Полины. В бане пар». В итоге вышло все не так.

— Вас задевало, что вас будут рассматривать?

— А вы думаете, актрис это не задевает? А ну-ка, поставьте себя на место другого человека. Например, любящего актрису Егорову. А как бы вы реагировали, увидев близкого вам человека в подобной ситуации? Наверное, было бы неприятно. Существует же чувство собственности по отношению к человеку, которого любите.

— Значит, вы в отличие от некоторых наших актрис на обложке «Плейбоя» не повитесь никогда?

— Это личное дело каждого. Мне не слишком нравится полностью обнаженная натура. И без этого фото-

графия может быть чувственной. Многое зависит и от доверия к фотографу. Некоторым я бы ни за что на свете не доверила сфотографировать себя даже одетой. Но, к сожалению, ко мне был определенный интерес. Если ты раздеваешься в фильме, всем кажется, что с тобой уже никаких проблем не будет, ты на все готова. В моем возрасте у меня к ню уже другие требования.

— Но в принципе вы не против?

— Если буду уверена, что какие-то части моего тела достойны фотосъемки. Впрочем, я не стремлюсь к таким съемкам.

— А если предложат хорошие деньги?

— Деньги не главное. Можно получить хорошие деньги и всю жизнь сожалеть о случившемся. Готова будешь отдать все деньги, только бы выкупить свое честное имя обратно.

— Уйдя из театра, вы успели поработать моделью...

— Успела.

— Как в этот бизнес угодил?

— Представьте, случайно. Подруга работала в модельном агентстве, взяла мои фотографии, года три они там лежали. Когда фото понадобились, я пришла их забрать, а мне говорят: «Не хотите поработать?» Я была уже не юной, но почему не попробовать. Согла-

силась. Хотя ничего не умела и мало то понимала. Однажды звонят: «Оля, у тебя сегодня кастинг для показа авангардной моды». Приезжаю. Что такое кастинг, даже не представляю. Долго стою на сцене, понимаю, что просто опаздываю на съемку фильма. Мне это надоедает, и я говорю: «В общем так, ребята! Мне некогда, меня зовут Егорову Оля, рост сто восемьдесят сантиметров. Если буду нужна, обращайтесь». Когда ушла, все говорят, были в шоке. На следующий день мне сообщили, что из тридцати модельеров двадцать выбрали меня.

— Как вы относитесь к актерам, снимающимся в рекламе?

— Когда по ТВ идет фильм с вашим участием, а в перерыве реклама с вашим же участием, то как к этому относиться?! Говорят, что актерская профессия очень зависима, но в ней кое-что все-таки и на тебя выстроено. А в модельном бизнесе меня задевало, что ты последний продукт. Знаете, как Слава Зайцев называет моделей? «Вешалка». А мне всегда хотелось даже на подиуме создать образ, слиться с костюмом.

— Вы одна воспитываете дочь?

— Многие годы я привыкла рассчитывать на себя. С мужем мы разошлись давно. Он закончил сценарное отделение ВГИКа у Аркадия Инина. Сейчас иногда снимается. Слава богу, живы две Аленины бабушки, Алёну они очень любят.

— Вы бы полюбили человека, который не смог бы полюбить вашу дочь?

— Исключено.

— Дочери вы друг?

— Мэри Поппинс. И подруга, и советчик, и мама, и домработница. А она мне — боевая подруга. (Смеется.)

— ?..

— Со мной на все съемки «Любить по-русски» ездила. Помню, снимали мою сцену. Было жарко, долго выставляли кадр, грим тек с меня ручьями. Потом осветительный прибор на голову свалился. Сто

раз перерыв объявляли. Наконец собрались. И тут в кадр входит моя Алёна. Несет в миске яблоки, которыми местная сердобольная старушка решила угостить группу. Вижу свою гордую дочь, и мне чуть дурно не становится. Понимаю, что кадр испорчен, сейчас все на меня ополчатся и мой ребенок получит по первое число. У меня внутри все замерло, я просто поматерински испугалась за дочь. Положение спасла помощник режиссера, золотая женщина. Тихо так, спокойно сказала: «Товарищи, все замечательно. Ребенок, иди сюда. Продолжаем работать. Дубль два».

— Если бы кино можно было попробовать на вкус, что бы почувствовали?

— Вкус шампанского.

— Тогда театр — это...

— Виски, может быть. Главное, чтобы сначала горько, крепко, а потом тепло.

— А чего бы хотелось очень-очень?

— Почувствовать отрыв от земли, взлететь. Мне кажется, это такое безумное счастье. Может, танец даст мне это? Я все еще хочу танцевать. Именно этого мне сейчас не хватает, ощущения полета. Это счастье, не сравнимое ни с чем.

Александра Обикова
Фото Елены Сидякиной
и из архива Ольги Егоровой

Мать и дочь: одна судьба, одна жизнь